
П. Г. Ширяева

**ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХ
ПРОЛЕТАРСКИХ ТРАДИЦИЙ**

(ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «ИСКРА» 1900—1903 гг.)

О процессах, происходящих в общественной жизни рабочего класса царской России, впервые во весь голос заговорила газета «Искра», уделявшая много внимания новым явлениям в быту российского пролетариата, столь заметно отличавшемуся от старого патриархального уклада деревни. «Искра» отмечала самые маленькие, иногда едва заметные ростки нового быта, подчеркивая то, что становилось уже типичным для праздников русского рабочего класса и обращала внимание на черты нового, вклинивающегося в старую освященную веками обрядность.

Все описания складывавшихся в рабочей среде новых обычаев и обрядов, публиковавшиеся в «Искре», принадлежали в большинстве своем активным участникам происходивших событий. Эти-то очевидцы и дали в «Искру» такие живые, реалистические описания, правдиво освещавшие черты нового, становившиеся с расширением и углублением массового рабочего революционного движения не просто типичными, а типически традиционными в быту русского рабочего класса. «Искра» объединяла эти сведения «с мест», создавая тем самым обобщенную картину явлений современного быта, завоевывавшего в ожесточенной борьбе со старым свое законное место в жизни пролетариата. По существу это были документальные данные, свидетельствовавшие о росте политического сознания пролетариата, происшедшем за последнее десятилетие XIX в. И нижеприводимые слова В. И. Ленина, сказанные им в ноябре 1900 г., звучали уже как утверждение, как известный итог пройденного рабочим классом пути: «Через полгода русские рабочие будут праздновать первое мая первого года нового века,—и пора позаботиться о том, чтобы это празднество охватило как можно больше центров, чтобы оно было как можно внушительнее не только числом своих участников, но и их организованностью, их сознательностью, их решимостью начать бесповоротную борьбу за политическое освобождение русского народа, а тем самым и за свободное поприще классового развития пролетариата и открытой борьбы его за социализм... Харьковская маевка показывает, какой крупной политической демонстрацией способно стать празднование рабочего праздника...»¹.

За десятилетие с 1890 по 1900-е годы в быту рабочего класса России укоренились новые, отличные от прежних крестьянских обычаи и обряды — маевка и демонстрация. Они сложились как действия, выражавшие протест против существующего строя. К проведению их в каждом промышленном районе тщательно готовились. Заранее широко оповещали участников шествия о задачах праздника; устраивали предвари-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 4, стр. 363.

тельные собеседования с группами рабочих. Немалое место принадлежало специально изданным листовкам и прокламациям. Тщательно продумывался маршрут шествия празднично настроенных рабочих; выделялись специальные рабочие-знаменосцы, которые окружались на всякий случай плотным кольцом других рабочих; обязательным во время каждого праздника было выступление ораторов, в числе таких же неизменных мероприятий было разучивание революционных песен². В целях отпора возможным провокациям рабочие вооружались палками, тростями.

Другие обряды рабочих, такие как похоронный и свадебный, восходившие к традиционным крестьянским, впитали в себя немало отличительных черт городского быта³. Ритуал встречи Нового года, сложившийся и прочно укоренившийся в городских условиях еще до начала массового рабочего революционного движения, имел свои специфические черты в быту революционной студенческой молодежи и революционеро-профессионалов.

Новые обычаи и обряды русских рабочих заимствовали многое из опыта европейского пролетариата.

Наряду с элементами новой обрядности и заимствованием революционных песен европейского пролетариата⁴ русские рабочие творчески использовали и многие черты традиционного обрядового наследия прошлого. И это не удивительно, ведь рабочий класс России — класс молодой. Он сформировался на основе быстро протекавшего процесса разложения феодального строя и за два столетия (XVIII и XIX вв.) не успел порвать связей с крестьянством. Этим и объясняется исключительная живучесть привычек, обычаев и обрядов, складывавшихся в деревне веками и переносившихся иногда без всяких изменений в условия города. Из многих черт этой органической взаимосвязи в быту нового со старым мы отмечаем лишь некоторые, наиболее типические. Так, характерной чертой тесной связи рабочей обрядности с традиционной крестьянской обрядностью, с лучшими ее чертами, является широкое включение в рабочие праздники песни, которой отводилась важная роль в проведении массовых выступлений пролетариата. Певучесть, как присущая русскому человеку черта, была не просто перенесена в рабочий быт. Песня стала грозным оружием в борьбе пролетариата с существующим строем. Песни, которые взял на вооружение рабочий класс, не были похожи на крестьянские ни по своему образному и мелодическому содержанию, ни по идейному направлению. То были гимнические песни протеста и призыва к борьбе за свободу.

I

Известно, что 1 Мая в России впервые праздновалось в 1891 г., т. е. вскоре после принятия I конгрессом II Интернационала (в июле 1889 г.) решения об установлении международного праздника 1 Мая. Праздник проходил в лесочке за Путиловским заводом в Петербурге. В нем участвовала небольшая группа питерских, преимущественно путиловских ра-

² Предварительно заготавливались рукописные списки — у ростовского рабочего Скрипниченко были отобраны, например, списки «Марсельезы и Варшавянки» («Искра», 1903, № 39, 1 мая, стр. 14), или же заранее разучивались революционные песни (как это было у тульских рабочих, «Искра», 1903, № 41, 1 июня, стр. 21) и т. д.

³ См. Г. В. Жирнова, Русский городской свадебный обряд конца XIX — начала XX века, «Сов. этнография», 1969, № 1.

⁴ Среди стихотворений и песен, исполнявшихся европейскими рабочими на французском языке во время их политических выступлений, «Искра» называет «Интернационал», «Пролетарскую Марсельезу», «Падение Бастилии», «Бог» (П. Ж. Беранже), «Красное знамя», «Рабочую песню» (см. «Искра», 1900, № 1, декабрь, стр. 24, 25; 1903, № 42, 15 июня, стр. 23; № 49, 1 октября, стр. 21).

бочих. Праздник этот получил название «маевка», прочно закрепившееся за ним с той поры. В дальнейшем из года в год небольшие группы рабочих и интеллигенции, отмечая этот день, поздравляли друг друга с международным праздником рабочего класса, произносили речи, призывавшие к объединению сил пролетариата. Праздник 1 Мая в 1892 г. справляли (в несколько большем числе, чем питерские рабочие) рабочие г. Вильно, а в 1894—1895 гг. — рабочие г. Москвы (организацию празднования 1 Мая в Москве в эти годы возглавил «Московский Рабочий Союз») ⁵. На широкую улицу рабочие царской России вынесли свой праздник только в самом конце XIX в. Об опыте празднования 1 Мая 1900 г. была издана специальная брошюра «Майские дни в Харькове», предисловие к которой в ноябре того же 1900 г. написал В. И. Ленин. В этом предисловии он с достаточным основанием мог назвать день 1 Мая «рабочим праздником». Уже в первых номерах «Искры», относившихся к 1901 г., публиковались краткие сведения о том, как уверенно российский пролетариат выходит на «улицу», чтобы встретить свой интернациональный праздник под лозунгами, приобщавшими его к всемирному рабочему движению.

В 1901 г. «Искра» печатает еще довольно скудные информации о проведении рабочими своего первого праздника. Наиболее же обстоятельные описания празднования 1 Мая встречаются в «Искре» за 1902—1903 гг., где дается огромный перечень промышленных центров, в которых успешно проходили Первомайские демонстрации. И если В. И. Ленин в своем предисловии писал о том, чего еще не хватает рабочим в организации своего рабочего праздника, то за истекшие четыре года (1900—1903 гг.) рабочие творчески восприняли сделанные В. И. Лениным указания и стали разнообразить сами формы подготовки и проведения праздника. Во многих местных комитетах существовал обычай изданий «приглашений» на демонстрацию и проведения предварительных бесед с рабочими перед праздником. Так, в сообщении из Баку говорилось: «Майская агитация велась здесь усиленная. Было два больших загородных рабочих собрания. Распространены майские листки на русском, армянском и грузинском языках» ⁶. Распространение листовок и прокламаций было также непохожим на то, как это делалось в первые годы празднования 1 Мая: стало правилом, чтобы Первомайским утром рабочие находили в различных частях города (разбросанными или наклеенными) листовки и прокламации. В Красноярске, как сообщает «Искра», утром 18 апреля 1902 г. «улицы были красными от прокламаций... Листки эти были небольшие четырехугольники... Но кроме того, были и большие красные, изящной формы, вроде афиш» ⁷. И появление на демонстрации красного знамени встречалось рабочими уже как обычное явление, без которого «маевка» не может состояться. Знамя это могло быть любого размера и из любого материала. Как сообщает «Искра», на маевках 1903 г. студенты-томичи подняли на шесте красный шарф, в других городах празднично настроенные рабочие несли большие красные полотнища, а в Тифлисе в день 1 Мая «один из рабочих развернул

⁵ К. С. Василенко, Московский Рабочий Союз, М., 1957, стр. 21, 30, 37.

⁶ «Искра», 1903, № 40, 15 мая, стр. 7.

⁷ «Искра», 1902, № 22, июль, стр. 20. «Искра» неоднократно привлекала внимание к разнообразно оформленным листовкам и прокламациям. Саратовский Комитет РСДРП к 1 Мая 1903 г. издал 1. «Большое гектографированное на красной бумаге объявление, приглашающее рабочих и ремесленников и всех, кому дорога свобода и ненавистен произвол и насилие на демонстрацию 5 мая»; на левой стороне этого объявления изображен рабочий с красным знаменем в одной руке и флагом — в другой, на флаге помещена надпись: «Политическая свобода», а внизу — «Свобода, равенство и братство! Да здравствует социализм!». 2. Печатное воззвание: «1 мая, ко всем рабочим и работницам!» с эпиграфом: «Вставай, подымайся рабочий народ!» («Искра», 1903, № 37, 1 апреля, стр. 19).

шелковое знамя с вышитыми лозунгами: «Долой самодержавие! Да здравствует свобода!»⁸. А как живо передается «Искрой» настроение демонстрантов в день 1 Мая! Так один из томских рабочих сообщал, что «18 апреля забастовали 4 завода, 4 или 5 мастерских... несколько мелких ремесленных заведений и рабочие на одной каменной постройке... В 12 час. дня улицы приняли необычный вид: на них появились в значительном количестве рабочие, из них многие были одеты по-праздничному», к девяти часам вечера «демонстрантов уже было около 5000 чел., в том числе студентов сравнительно немного. Громкие песни и громовое „ура!“ доносилось, как говорят, до окраин города. Строительные рабочие и чернорабочие принимали деятельное участие, при этом пели „Дубинушку“ на свой лад, между прочим — один куплет своего собственного сочинения, что они за студентов пристанут и Кухтерину (местный крез, выславший своих мясников бить студентов 18 февраля) плохо станет»⁹.

Рабочие шли по улицам в день 1 Мая не просто организованной толпой. Всякий раз ставилась задача пройти по наиболее многолюдным, центральным улицам города. В одном из номеров газеты «Искра» очевидец рассказывает о демонстрации рабочих Риги в день 1 Мая: «Толпа выстроилась в ряды и с пением „Марсельезы“ прошла по Резницкой... с пением „Варшавянки“, „Смело друзья, не теряйте“ и других революционных песен прошла по Суворовской улице»¹⁰.

«Искра» освещала день 1 Мая с самых разнообразных сторон. Один из самых больших заводов в г. Николаеве — «Французский» — не работал, не работал и Черноморский завод. «Город имел очень праздничный вид. Рабочие с самого утра разгуливали по городу, по бульвару. Днем рабочие собирались за городом. В одном месте рабочим была произнесена речь. Это первый случай празднования майского праздника большинством николаевских рабочих»¹¹. В том же номере о маевке в лесу, в которой приняли участие 300 смоленских рабочих, «Искра» сообщает: «Было оживленно и весело». Много внимания уделяет «Искра» показу отношения населения к проведению демонстрации. Так всякий раз отмечалось, что подготовка и само проведение демонстрации вызывали живейшее любопытство окружающего населения, его сочувствие и внимание: «Народ сплошной толпой стоял по обе стороны» идущих сормовских рабочих. «Вид демонстрации так действовал на нее, что некоторые, слыша стройное пение, не могли удержаться от слез»¹².

В зависимости от политической ситуации 1 Мая иногда праздновалось либо на несколько дней раньше календарного срока, либо позже. Например, один бакинский рабочий, участник первомайской демонстрации 1902 г., писал в «Искре»: «Мы бакинские рабочие, — писал он, — чтобы не отстать от рабочих других городов, сообща решили сделать первый шаг к святому делу... Стали не жалеть сил и времени, устраивать массовые собрания и вести пропаганду, говорить по поводу открытого празднования 1 Мая. Решено и сделано! Но вот наступил назначенный день 21 апреля! Все с охотой явились на назначенное место. Каждый в отдельности поднимал голову и глазами чего-то искал вверху. А сердце так и жмется от радости, что вот настанет минута, когда мы будем чувствовать себя героями святого дела, и мы можем сказать, что это наш праздник, и что знамя тоже наше. А вот и то, что так жадно искали наши глаза — это сигнальные шары! Каждый, кто только увидел шары, сейчас бежал к назначенному месту, а наш brave знаменосец был на-

⁸ «Искра», 1903, № 39, 1 мая, стр. 17.

⁹ «Искра», 1903, № 40, 15 мая, стр. 6.

¹⁰ «Искра», 1903, № 39, 1 мая, стр. 17.

¹¹ «Искра», 1903, № 40, 15 мая, стр. 8.

¹² «Искра», 1902, № 21, 1 июня, стр. 12, 13.

столько разгорячен, кровь в нем так закипела, что он даже не вытерпел и минут на пять раньше, чем пустили третий шар, развернул знамя гордо и смело и произнес: «Товарищи! Сегодня великий праздник, в который мы выступаем против неправды, невежества и нищеты! Долой самодержавие! Да здравствует свобода!» Я должен заметить, что около знаменосца было всего человек 8—10, из которых трое разбрасывали маленькие прокламации, в которых были написаны требования: «Свобода, 8-часовой рабочий день» и т. п. Разбрасывая листки, все крикнули: «Ура!» На их крик раздался по всем улицам ответ: «Ура!», «Долой самодержавие!», «Да здравствует свобода!». Со всех улиц громадной толпой пустились бежать к «парапету», где знамя гордо развевалось. Постовой городской, увидя это, до того испугался, что не знал что делать: отнять ли знамя или убежать, и как бешеный метался во все стороны и как раз попал в толпу демонстрантов. Когда он вырвался, он побежал без оглядки, желтый, как мертвец. Пристав же, который здесь стоял для охраны, помчался неизвестно куда. А демонстранты все прибавляются и прибавляются, а «ура» все усиливается и усиливается. С громким криком «ура» мы двинулись вокруг парапета к назначенному месту; но как только хотели завернуть на Николаевскую улицу, мимо нас проехали: полицеймейстер, его помощник и пристав. Молча направились они туда же, куда и мы. Но мы начали им угрожать кулаками с криком: «Долой самодержавие, долой полицию, долой собак!» А толпа тысячная кричит «Ура!» Это их задело, как видно, за живое, и они соскочили с извозчика и подошли к нам, бледные как мертвецы, они тряслись, как в лихорадке. Пристав заговорил телячьим голосом: «Что вы хотите?» А полицеймейстер заревел, как бык: «Разойтись!» Но товарищи не пали духом и угрожали палками: «Долой самодержавие! Долой полицию!» А я подошел к знаменосцу и говорю: «Товарищи, бросьте собак и вернемся обратно». Так и было: «ура» усиливается все больше и больше. Появилась учащаяся молодежь, пожилые и дети с криками «Ура!», «Да здравствует свобода!». На крышах и балконах появились люди разных сословий, толстобрюхие и т. п. господа. Мы им угрожали кулаками и криками «Долой самодержавие! Да здравствует свобода!» Но с балконов и крыш эти толстобрюхие сочувственно отвечали: «Да здравствует, да здравствует!» Все проходящие с сияющими лицами кричали: «Молодцы, молодцы! Держитесь дружно! Не робейте!» и т. п.

...Хотели петь, но у нас уже сил не было. Один грузин начал танцевать, и все хлопали руками, а когда пристав прибежал, то его освистали и прогнали. Ни одной улицы не было, чтобы она не была полна народу... Народу было около 5000, так что крики и мертвых могли бы поднять... Мне невольно вспомнилась французская революция...»¹³.

«Искра» помещала на своих страницах не только подробные описания Первомайского праздника, но и краткие сведения о его проведении в различных городах России. Таково, например, сообщение о праздновании 1 Мая в г. Одессе, где 150 семей железнодорожников, собравшись за «большим вокзалом», коллективно справляли «маевку». «Пели революционные песни и говорили речи...»¹⁴.

«Политические» справляли 1 Мая и в тюрьмах и в ссылке. Замечательное описание этого праздника в селе Шушенском в 1898 г. сохранилось в воспоминаниях Н. К. Крупской. «Помню как мы встречали первое мая,— пишет Надежда Константиновна.— Утром пришел к нам Проминский¹⁵. Он имел сугубо праздничный вид, надел чистый воротничок и сам весь сиял, как медный грош. Мы очень быстро заразились его настрое-

¹³ «Искра», 1902, № 22, июль, стр. 16.

¹⁴ «Искра», 1903, № 42, 15 июня, стр. 23.

¹⁵ И. Л. Проминский — ссыльный села Шушенское, рабочий, поляк.

нием и строем пошли к Энгбергу¹⁶... Оскар [Энгберг] взволновался нашим приходом. Мы расселись в его комнате и принялись дружно петь:

День настал веселый мая!
Прочь с дороги горя тень!...

Спели по-русски, спели ту же песню по-польски и решили пойти после обеда отпраздновать в поле... Когда вышли в поле на сухой пригорок, Проминский вытащил из кармана красный платок... Вечером собрались все у нас и опять пели... мы с Ильичем как-то долго никак не могли заснуть, мечтали о мощных рабочих демонстрациях, в которых когда-нибудь примем участие...»¹⁷.

Празднование 1 Мая в тюрьме было особым и, конечно, во многом отличалось от празднования этого дня в городе или в ссылке. Так, в петербургской тюрьме в день 1 Мая «все политические заключенные вывесили в окнах знамена, и вся тюрьма огласилась пением „Варшавянки“, а затем „Марсельезы“... После пения раздалась крики: „Да здравствует Первое Мая! Долой самодержавие!“ и прочие революционные возгласы, покрытые восторженными криками „ура“ не только политических, но и уголовных»¹⁸. Тюрьма была возбуждена в течение всего дня. «Вечером... снова были выкинута знамена, причем все окна были освещены свечами (своего рода иллюминация) и снова политические запели „Марсельезу“, „Варшавянку“, раздалась снова революционные возгласы»¹⁹. Таким образом, даже в стенах тюрьмы праздник 1 Мая все же сохранил основные черты нового календарного праздника рабочих.

II

Демонстрация стала новым явлением в быту российского пролетариата лишь с самого конца XIX в. В годы массового рабочего революционного движения демонстрации были единственной формой политического протеста.

В статье «О демонстрациях», опубликованной в 14-ом номере газеты «Искра», Г. В. Плеханов рассматривает их как явление, уже укоренившееся в быту российского пролетариата: «Демонстрации, ознаменовавшие собою начало 1901 года, повторились в его конце. Все заставляет думать, что и новый—1902 г. будет таким же, если не более, бурным, как и его предшественник»²⁰. И продолжая далее свою мысль о развитии этого нового явления в быту рабочего класса он замечает: «Кто умеет ценить воспитательное значение демонстраций и кто желает сохранить это их значение, тот должен всеми силами стремиться к тому, чтобы они все более и более приобретали массовый характер». Еще более определенно мысль о месте демонстрации в рабочей среде была изложена В. И. Лениным в «Тезисах статьи „Первые уроки“», написанной им в январе 1905 г. Вот как выглядит набросанная В. И. Лениным схема роста демонстрационного движения за двадцать лет (1885—1905)²¹:

¹⁶ О. А. Энгберг — ссыльный села Шушенское, рабочий Путиловского завода.

¹⁷ Н. К. Крупская, Из воспоминаний о В. И. Ленине. В кн.: «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. I, М., 1956, стр. 85, 86.

¹⁸ «Искра», 1903, № 40, 15 мая, стр. 11.

¹⁹ Там же.

²⁰ «Искра», 1902, № 14, 1 января, стр. 2.

²¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 9, стр. 400.

«1. Некоторые выводы. Первая волна отошла. Вторая на завтра неизбежна. Выводы из первой.

2. Исторический взгляд:

Пятилетие (1901—1905) В. И. Ленин разбивает по годам, отмечая тесную связь демонстраций со стачечным движением: «1902-ой год: громадная ростовская стачка превращается в выдающуюся демонстрацию»²⁴, «1903 год. Опять стачки сливаются с политической демонстрацией, но на еще более широком базисе»²⁵, 1905 год — «стачечное и демонстрационное движение, соединяясь одно с другим в различных формах и по различным поводам, росли вширь и вглубь, становясь все революционнее, подходя все ближе и ближе на практике к всенародному вооруженному восстанию, о котором давно говорила революционная социал-демократия»²⁶. Об укоренении в быту рабочего класса России революционной стачки и демонстрации В. И. Ленин писал не только в 1905 г., но и позднее. Свою новую статью «Развитие революционной стачки и уличных демонстраций»²⁷, относящуюся к началу второго десятилетия XX века. В. И. Ленин посвящает раскрытию дальнейшего развития этого нового явления в быту народов царской России и в первую очередь пролетариата.

С 1900 г., с момента появления в газете «Искра» сообщений «с мест», довольно четко наметились различные типы демонстраций. Праздник 1 Мая, обязательно сопровождаемый демонстрацией, стал общепролетарским календарным праздником по всей России. Столь же определенно оформились демонстрации, связанные с забастовочным движением этих лет (1900—1903). Отличными и по форме проведения и по их роли в общественной жизни были демонстрации, связанные с похоронами преждевременно погибших товарищей по революционной борьбе, а также демонстрации, возникавшие в связи с проводами рабочих и студентов в ссылку.

«Искра», начиная с первых номеров, постоянно информирует читателей о демонстрациях, происходивших в различных городах Российской империи в связи с высылкой рабочих и студентов за пределы родного города: студента Домбровского — из Кишинева в Вятскую губернию (1901, № 9, октябрь, стр. 13), А. М. Горького — из Нижнего Новгорода (1901, № 13, 20 декабря, стр. 3), группы рабочих отправляемых из Витебска в Сибирь (там же, стр. 16) и Петербурга (1902, № 22, июль, стр. 6—7), тифлиских рабочих, высылаемых в разные города России (1903, № 31, 1 января, стр. 8) и т. п.

²² Имеется в виду фраза «верного пса самодержавия» — Каткова о «сто одном салютационном выстреле в честь показавшегося на Руси рабочего вопроса» (Там же, стр. 250).

²³ Слово «крошечная» относится к демонстрации во время первой «маевки» в 1891 г. (Там же, стр. 250 и 400).

²⁴ Там же, стр. 251.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, стр. 252.

²⁷ Там же, т. 22, стр. 281—287.

По-иному протекали демонстрации протеста в театре (разбрасывание прокламаций и листовок, выкрики лозунгов и призывов к борьбе с самодержавием)²⁸ и тюрьме (голодовка²⁹ или «голодный бунт»³⁰, устройство «шумной демонстрации»³¹).

Формы организации демонстрации были различными. Иногда рабочие начинали демонстрацию внутри завода по гудку, который давался рабочими, украдкой пробравшимися к охраняемому администрацией гудку, а затем уже организованно выходили на улицу. Иногда же рабочие, наоборот, собирались у завода, не допуская штрейкбрехеров внутрь завода (гудок все равно давался). Порой демонстрация стихийно возникала около больницы, куда рабочие приходили, чтобы проводить в последний путь своего товарища. Подчас для организации демонстрации использовались собрания рабочих. Об одной из таких демонстраций, организованной Донским Комитетом РСДРП среди ростовских рабочих 2 марта 1903 г., сообщила «Искра» в номере от 15 марта. Автор корреспонденции рабочий, активный участник демонстрации, подробно описывает, как возникло шествие рабочих, как умело Донской Комитет использовал существующую с незапамятных времен традицию кулачных боев. «Из года в год, Великим постом, по воскресеньям у нас за Темерником устраиваются «кулачки». Иногда собирается масса народу от 5 до 6 тысяч. Картина грубая и ужасная.

За некоторое время до «кулачков» Донской комитет стал устраивать вечерние сходки рабочих в степи. На одной из таких сходок, а именно за день до демонстрации рабочие были приглашены на «кулачки», разумеется, не драться. На завтра рабочие стали стекаться за Темерником... как раз в той балке, где происходили сходки во время стачки. Собралась многотысячная толпа. Д[онской] К[омитет] решил использовать момент, когда «кулачки» приутихли, были выкинуты знамена и оратор обратился с речью, в которой приглашал рабочих пойти в город на демонстрацию. Картина была величественная. Мы окружали оратора, держа его на плечах, над нами развевались знамена. Достаточно было нескольких слов оратора, чтобы вся эта толпа с революционными песнями и криками: «Долой самодержавие»... двинулась демонстративно через Темерник в город.

Мы, человек восемь, с оратором посредине шли вперед в двух шагах за ними, — красные знамена, а за ними многотысячная толпа с организованными рабочими во главе... Через час весь город оглашался революционными песнями... Настроение рабочих и всех нас прекрасное. Мы торжествуем победу»³².

III

Новым в быту рабочих был и обряд гражданских похорон. Следует сразу же оговориться, что в рабочей среде долгое время сосуществовали два обряда — гражданский и церковный. Почти всегда на похороны приглашался священник, зажигались свечи, совершался полный обряд отпевания. Впервые чувствительный удар по церковным элементам обряда похорон был нанесен в Петербурге в 1876 г. во время проводов в последний путь студента Военно-медицинской академии П. Ф. Черныше-

²⁸ В Полтаве, например, такая демонстрация состоялась в честь Л. Н. Толстого («Искра», 1902, № 18, 10 марта, стр. 6), в Нижнем Новгороде — в честь Н. В. Гоголя (там же, стр. 12), демонстрация в Вильно связывается с постановкой пьесы «Родина» в день 1 Мая (1902, № 21, 1 июня, стр. 12).

²⁹ «Искра», 1901, № 14, 1 января, стр. 8—9.

³⁰ «Искра», 1902, № 18, 10 марта, стр. 10.

³¹ «Искра», 1903, № 39, 1 мая, стр. 15.

³² «Искра», 1903, № 36, 15 марта, стр. 12, 13.

ва³³. Сами похороны проходили в несколько необычной обстановке; проводы Чернышева на Волково кладбище с Выборгской стороны вызвали огромное стечение народа. В этих похоронах приняли участие и рабочие. По существу это была первая похоронная демонстрация протеста. Временами шествие приостанавливалось для объяснения встречной публике причин преждевременной смерти студента и пения «вечной памяти» у правительственных учреждений (здание тюрьмы, суда). Священник чувствовал себя во всех этих событиях явно лишним и пытался покинуть шествие, но не был отпущен. Второй, не менее чувствительный удар церковному ритуалу похорон был нанесен в Петербурге же два года спустя, в 1878 г., когда рабочие Трубочного завода на Васильевском острове провожали в последний путь шестерых своих товарищей, погибших при взрыве на заводе. И здесь традиционное отпевание покойных сохранилось полностью. Но как в 1876, так и в 1878 г. в свершении обряда похорон было и нечто новое: во всей процедуре похорон Чернышева, самих проводов на кладбище чувствовалось сознательное занижение роли церковного обряда. С кладбища расходились с пением революционного гимна. На похоронах же рабочих-василеостровцев, которых также отпевали, была еще большая напряженность. Впервые рабочие во время похорон выступили от имени рабочего класса с прощальной речью (яркое описание этих похорон оставил Г. В. Плеханов, который в те годы вел агитационно-пропагандистскую работу среди пролетариев Васильевского острова)³⁴.

С течением времени отпевание теряло свое значение и такие похороны постепенно превращались в демонстрацию протеста. Безвременная кончина в 1899 г. златоустовского рабочего Андрея Степановича Тютеева привлекла внимание широких слоев трудящихся. Этот передовой представитель уральского рабочего класса, как сообщалось в газете «Искра», был выпущен из тюрьмы за несколько дней до кончины. Похороны его в родном Златоусте превратились в мощную демонстрацию, собравшую около двадцати тысяч человек. В отличие от народной традиции, согласно которой поминки по умершему справляются в определенные, регламентированные церковью дни, рабочие создали свою традицию поминок. Ежегодно в день смерти Тютеева они выходили на демонстрацию, чтобы добиться улучшения условий труда. Рабочие все настойчивей и настойчивей связывали имя Тютеева с требованием восьмичасового рабочего дня и добились своего. Во вторую годовщину смерти А. С. Тютеева уральские рабочие выпустили листовку-прокламацию, в которой говорилось о беззаветной преданности этого рабочего: «Имя Тютеева будет напоминать не одним только златоустовским рабочим об их успешной борьбе за 8-часовой рабочий день. Нет, оно будет также напоминать всем русским рабочим те бесчисленные жертвы, которые гибнут от преследования самодержавного правительства...»³⁵. Лозунгом, призывом к дальнейшей борьбе звучали слова старого революционного гимна 1860 гг., вошедшие в текст той же прокламации:

Братья, вперед, не теряйтесь!
Бодро в неравном бою!
Родину дружно спасайте!
Честь и свободу свою!

Многочисленные описания похорон, то довольно подробные, то краткие, приводимые в «Искре», позволяют увидеть в похоронном обряде рабочих такие новые черты (не типичные для крестьянских похорон),

³³ Подробно см. «Вперед», 1876, № 34, 1 июня (20 мая), стр. 325 и др.

³⁴ Г. В. Плеханов. Соч. Под ред. Д. Рязанова, т. 3, М.—Л., 1928, стр. 157—160.

³⁵ Полный текст прокламации «К уральским рабочим» см. ЦГАОР, ф. 102, 1898, ед. хр. 5, ч. 3, л. В, лл. 13—17; см. также: «Искра», 1901, № 9, октябрь, стр. 8.

как сохранение в рабочем коллективе памяти об умерших, забота об их семьях, оказание материальной помощи оставшимся без кормильцев семьям, устройство на работу осиротевших детей. В условиях деревни память об умершем хранили лишь близкие родственники да семьи покойных. Не то было в рабочей среде; память о безвременно ушедших хранили все товарищи по борьбе. Из года в год вспоминали не только А. С. Тютеева или 69 рабочих того же Златоуста, погибших во время расстрела безоружной толпы. Питерские рабочие хранили в своем сердце память о славном сражении Обуховских рабочих в день 7 мая 1901 г. и об убитых ростовских рабочих и рабочих станции Тихорецкая. Надолго остался в памяти рабочих-костромичан агитатор-пропагандист К. А. Невзоров. В письме в «Искру» имя его упоминалось с большим уважением: «...вместо жалких похоронных песен [отпевания] он слышал могучий гимн свободы поднявшегося юга, видел шедшие сражаться с самодержавием отряды организованных рабочих... Мы, костромичи, не забудем его, не забудем как

он совесть будил в нас, он звал на работу,
он звал нас сплотиться тесней,
И был ненавистен насилью и гнету
Язык его смелых речей...»³⁶

Несмотря на репрессии, гражданские похороны все шире и шире входили в обиход рабочего люда России. Они превращались в могучее средство подъема сознания рабочих. В Батуми убит рабочий Ломадтария. В «Искру» сообщают, что «на похороны после гудка собралось много народу (3 000 чел.); хотели понести по главным улицам, но около Манташевского пер. встретила полиция и принуждены были пойти прямо на кладбище. Там было произнесено несколько политических речей; провожающие возвращались обратно с пением „Марсельезы“ на трех языках (грузинском, армянском и русском)». Интересна одна подробность: по пути следования, при встрече с буржуа демонстранты требовали, чтобы он повернул обратно, а при встрече с рабочими, кричали «Дорогу рабочему!»³⁷.

Письма, помещаемые в «Искре» с известием о преждевременной кончине товарища, ставшие обычным явлением, не походили на некрологи. Это скорее были воспоминания, посвященные товарищам, о деятельности которых, несмотря на то что они находились на нелегальном положении, в рабочей среде ходили многочисленные рассказы. «Искра» знакомила всю страну с такого рода воспоминаниями, посвященными памяти погибших, вызывая ряд откликов со стороны отдельных рабочих и социал-демократических организаций.

* * *

В сложных условиях массового рабочего революционного движения рождались обряды и обычаи российского пролетариата. Эта новая обрядность отражала новый кодекс трудовых взаимоотношений, товарищества и дружбы, взаимопомощи, новые понятия о нравственности и самое главное — единую позицию в борьбе с самодержавием и буржуазией. Эта классовая точка зрения и определяла характер новых обрядов и обычаев русского пролетариата.

³⁶ «Искра», 1903, № 50, 15 октября, стр. 24.

³⁷ «Искра», 1903, № 45, 1 августа, стр. 24.

**ON THE EARLY OF REVOLUTIONARY TRADITIONS
OF RUSSIAN PROLETARIAT (DATA FROM THE «ISKRA», 1900—1903)**

Lenin's newspaper «Iskra» (1900—1903) was the first periodical to publish circumstantial data on the every-day life of the working class of Tsarist Russia. Among these data considerable room is given to descriptions of new customs and rituals arising within the working class at the turn of the XX century, such as May Day celebrations, political demonstrations, civil funerals, seeing off into exile fellow fighters in the class struggle, material aid and moral support for the families of victims in the fight for freedom.

The correspondents dealing with these new phenomena in the life of Russia's workers were as a rule themselves active participants in the events they described, professional revolutionaries (both intellectuals and workers).
